

Г.Н. Лихачёв

Рассказы Генуэла

(Из архива Ю.С. Равкина)

Тула 2019

УДК 598.2
ББК 28.693.35
Л65

Составители: Е.В. Смирнова, А.С. Раутиан, В.С. Шишкин.

Лихачёв Г.Н. Рассказы Генуэла. Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. с.

В сборнике представлены рассказы, основанные на реальных событиях, происходящих в жизни автора.

УДК 598.2
ББК 28.693.35

© Составители, 2019

© Издательство ТулГУ, 2019

Предисловие

Научная конференция «Изучение и сохранение биоразнообразия Тульской области и сопредельных регионов» посвящена 120-летию со дня рождения Геннадия Николаевича Лихачёва – выдающегося отечественного зоолога, орнитолога, исследователя биологических закономерностей, автора териологических и охотоведческих работ, специалиста заповедного дела, долгие годы проработавшего в заповеднике «Тульские засеки» (1935 – 1951) и Приокско-Тerrasном биосферном заповеднике (1951 – 1972), участника Великой Отечественной войны (санитар, 1943 – 1945), педагога-наставника, потомка известного дворянского рода Лихачёвых.

Брошюра содержит биографию учёного и плоды его литературного творчества – рассказы, основанные на реальных событиях, происходивших в его жизни, и нигде ранее не опубликованные.

Оргкомитет конференции благодарит заместителя директора по научной работе Приокско-Тerrasного государственного заповедника, кандидата биологических наук Юрия Анатольевича Буйволова за предоставленные материалы, а также выражает благодарность хранителю Зоомузея МГУ Анне Викторовне Тихомировой за предоставленные фотографии.

Е.В. Смирнова



Лихачёв Г.Н. – в лесу за наблюдениями

Биография Геннадия Николаевича Лихачёва

Текст печатается по изданию «Московские орнитологи» / отв. ред. В.Е. Флинт, О.Л. Россолимо. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.

Лихачёв Геннадий Николаевич как орнитолог наиболее известен своими исследованиями по трем условно выделяемым направлениям. Это, во-первых (по объему и значению), многолетние наблюдения за птицами, заселяющими искусственные гнездовья, в частности, массовый материал по размножению мухоловки-пеструшки и большой синицы. Во-вторых, изучение хищных и некоторых других видов птиц в Тульских засеках (гнездование, питание, межвидовые отношения и т.д.). И, в-третьих, к сожалению, в наименьшей степени опубликованные материалы по биологии охотничье-промысловых птиц Сибири, где происходило становление Г.Н. Лихачёва как зоолога-профессионала. Разумеется, были и другие работы по птицам, а также териологические, охотоведческие и другие исследования. Важна роль Геннадия Николаевича как наставника юннатов, студентов, молодых специалистов. Однако жизнь и деятельность Геннадия Николаевича трудно понять, если хотя бы кратко не остановиться на его детстве, родственных связях.

Род Лихачёвых известен с XV в. Дворяне Лихачёвы несли государственную и военную службу. Некоторые служившие дьяки Лихачёвы вошли в историю не только как государственные деятели, ближние слуги царей, но и как собиратели книг и рукописей. За четыре столетия Лихачёвы породнились со многими родовитыми и знаменитыми российскими фамилиями: от Хованских, Долгоруковых, Барятинских, Шереметевых и Голицыных до Новосильцевых, Державиных, Строгановых, Страховых, Панаевых и др. Жившие в Казани и ее окрестностях предки Николая Петровича Лихачёва (отца Геннадия Николаевича) служили, вели хозяйство, собирали замечательную библиотеку, описанную в удивительной книге «Генетическая история одной помещицкой библиотеки» (1913) – образцовом историческом, палеографическом и генеалогическом исследовании Николая Петровича. Из ближайших предков нельзя не упомянуть трех дядей Николая Петровича – трех адмиралов Русского флота, причём брат матери Николая Петровича, Петр Петрович Андреев, не только командовал императорской яхтой «Полярная звезда», но и был командующим Балтийским и Черноморским флотами. К нему часто ездил по делам и в гости Николай Петрович, иногда вместе с маленьким Генной. Но, пожалуй, одним из самых замечательных представителей этого рода был сам Николай Петрович Лихачёв, отец героя нашего очерка. Выдающийся историк, член двух духовных академий, профессор, советский академик, создатель музея палеографии – неполный перечень его официальных званий. Области интересов Николая Петровича были чрезвычайно широки и разнообразны: история, историография и источниковедение, искусствоведение, генеалогия, археология, нумизматика, эпиграфика, дипломатика, сфрагистика и др. Он собиратель, реставратор и исследователь крупной коллекции икон, ныне частично хранящихся в Русском музее. Среди шедевров лихачевского

собрания упомянем знаменитую икону «Борис и Глеб» (XIV в.). Главное детище Николая Петровича – организованный им в собственном доме (Петро-заводская, 7) музей палеографии (расформирован, если не сказать определенной, в 1931 г.). В музее были собраны уникальные образцы письменности разных времен и народов. Все было найдено, собрано, приобретено Николаем Петровичем на собственные средства. В этом частном музее работали специалисты-историки, его посещали любители старины, искусствоведы, художники, государственные деятели и служители культа.

Мы не могли не упомянуть о незаурядной личности Николая Петровича, желая показать читателю, в какой атмосфере рос Геннадий Николаевич, на каких примерах воспитывался. Кроме того, научные занятия Николая Петровича, его метод сбора и обработки материала, по нашему мнению, могли повлиять на характер исследований самого Геннадия Николаевича.

Николай Петрович был не просто собирателем, коллекционером. Его главная цель, по-видимому, заключалась не столько в достижении полноты собрания, сколько в оценке потенциально возможной изменчивости материала и установлении на основе этого взаимосвязей отдельных элементов крупных структур. «Все внимание на критику источников, анализ. Синтез только на основании свода», – писал Николай Петрович. Он использовал почти биологические подходы при исследовании исторического материала принципа гомологии, оценки изменчивости, учет масштабов эволюционных (исторических) преобразований. Происходило взаимное обогащение законов классификаций и законов развития (в рамках исторического процесса). Николай Петрович, как и Геннадий Николаевич, могут быть названы «рыцарями факта». Один в истории, другой по мере сил в зоологии и экологии, они стремились к выявлению закономерностей на массовом добротном материале и большую часть жизни посвятили сбору такого материала. Вызывали восхищение сыновей и спортивные достижения Николая Петровича. Он был известный тяжелоатлет, борец и боксер-любитель. Сам Геннадий Николаевич тоже был равнодушен к спорту, прекрасно играл в теннис, выигрывал крупные соревнования по лаун-теннису.

По-своему замечательным человеком была и мать Геннадия Николаевича – Наталья Геннадиевна Лихачёва, урождённая Карпова. Наталья Геннадиевна, дочь Анны Тимофеевны Морозовой (в замужестве Карповой), племянница Саввы Тимофеевича Морозова, происходила из богатой купеческой семьи Морозовых. Пращур, крестьянин Савва Васильевич, выкупился из крепостной зависимости со всей семьей (15 человек детей). Его сын Тимофей (родной дед Натальи Геннадиевны), совладелец Николаевской мануфактуры, преумножил исходный капитал. Его дочь Анна, завидная невеста из старобюрократической семьи, неожиданно вышла замуж за своего домашнего учителя, историка Г.Ш. Карпова. Молодой историк Н.П. Лихачёв бывал в доме у Карповых и женился на их дочери Наталье. Наталья Геннадиевна получила прекрасное домашнее образование, увлекалась историей, была любимицей В.О. Ключевского, к которому маленький Гена бегал за пряниками. Она со-

чувствовала и помогала историческим изысканиям мужа, но всю жизнь посвятила многочисленной семье – у них было десять детей.

Геннадий Николаевич родился 31 июля (по новому стилю) 1899 г. в с. Сушневе, имении бабушки Анны Тимофеевны во Владимирской губернии. В Сушневе жила многочисленная родня Анны Тимофеевны. Здесь были построены большой дом, семейная церковь, при которой находилось семейное кладбище. Рядом с Сушневым жили Ключевские, Левитан писал здесь свою «Владимирку», и Геннадий Николаевич хорошо знал место, где была написана эта картина, как и то, где художник писал «У омута». К Ключевским приезжал Шаляпин готовиться к роли Бориса Годунова.

В Сушневе впервые у Геннадия Николаевича проснулась любовь к родной природе, которой он посвятил следующие проникновенные строки (орфография оригинала): «В сложном понятии «Родина» бесспорно важнейшую роль играет географический элемент. Мы любим Русскую природу, но она столь необъятна, что мы просто не можем ее знать. Как я могу любить северную тундру, когда я в ней не был, или горные хребты Кавказа, когда я с ними знаком почти только как курортник. А от степных просторов – я устаю. По существу мы любим и считаем родной природу, без которой не можем жить, тот кусочек земли, где мы провели юность и впервые сознательно восприняли природу. Вот эту природу мы и считаем самой родной и что бы мы ни видели в дальнейшем, на протяжении всей жизни, все это будет лишь дополнением к самому милому закоулку родины. Для меня владимирские поля, луга, березы, сосны и даже огромные торфяные болота и пески – это то, что я ни отдам никому. Милее их нет. Осенью 1917 г., когда я уезжал из Сушнева, и чувствовал, что никогда туда не вернусь, в тот момент, когда поезд шел по мосту через Пекшу, и я прощался с Пестриковым лугом, самым обыкновенным и ничем не примечательным, я понял, что прощаюсь с дорогим для меня покойником. Я довольно много путешествовал и видел поразительно красивые места, часть из них полюбил и сроднился с ними. Но все же настоящей моей родиной остались Владимирские дорожки, Владимирские церквушки, Владимирские поля и Владимирские леса. Тяжелые мысли, охватившие меня, когда я покидал Сушнево осенью 1917 г., были продиктованы не только прощанием с родными местами, где прошло мое счастливое детство и юность, но еще в значительной степени, и тем, что это был первый полностью ощутимый мною, конкретный удар Революции по всей прошлой моей жизни и полная неясность будущего. Одна из тяжелых, но ярких минут моей жизни».

Но до этого времени были и летние поездки в Полянки, родовое гнездо Лихачёвых под Казанью. Была счастливая семейная жизнь на Петрозаводской, где первые два этажа родного дома занимал музей отца. Дети бывали за границей, где подолгу работал Николай Петрович. Последняя поездка в Германию совпала с началом войны 1914 г. Возвращались в Россию через Париж, Марсель, Константинополь, Одессу. Но еще дети ходили в гимназию, посещали гимназические балы, а мальчики поступили в бойскаутский отряд. Все вышесказанное, нам кажется, необходимо упомянуть для понимания

окружения Геннадия Николаевича, семейных связей, того времени, когда закладывались основные черты характера, склонности и интересы будущего зоолога. Пример поучительный в своем роде.

Осенью 1917 г. Наталья Геннадиевна с детьми переезжает в Москву. Семья размещается в доме бабушки на Ордынке, 36. Геннадию Николаевичу удалось окончить гимназию и поступить в Институт инженеров путей сообщения, но уже в 1919 г. он был мобилизован. Правда, военная служба проходила в геодезическом отделе корпуса военных топографов, который теперь размещался в доме на Ордынке, потеснив хозяев. Здесь Геннадий Николаевич прослужил до осени 1920 г. и в сентябре переехал в Петроград. Предстоял трудный выбор пути. Под влиянием увлечений отца начал коллекционировать и изучать монеты, бумажные денежные знаки, лубки. Его коллекция образцов бумажных денег попала в Эрмитаж, где Геннадий Николаевич даже выступал со специальным докладом. Поступив и проучившись три года в Геологическом институте, Геннадий Николаевич бросает геологию и, к огорчению отца, уезжает в Москву. Работает в Союзе охотников, позже поступает на курсы охотоведения при Лесном институте, которые оканчивает в 1927 г.

Отец Геннадия Николаевича, Николай Петрович, избирается в 1925 г. академиком, назначается директором собственного музея палеографии. Но уже арестованы его сын и дочь, а в 1929 г. и сам Николай Петрович вместе с академиком С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле и другими подвергается аресту и осуждению по сфабрикованному делу. Возможно, к счастью для Геннадия Николаевича, он с 1927 г. командирован в Сибирь и в столице, как и в Ленинграде, бывает редко. В 1931 г. в «Крестах» в тюремном лазарете встречаются отец и сын. Геннадий Николаевич дарит отцу отпечаток своей первой статьи. В 1933 г. после двух лет тюрьмы и ссылки в Астрахань Николаю Петровичу разрешено вернуться в Ленинград, где он и умирает в 1936 г. Часть забот о семейном архиве ложится на плечи Геннадия Николаевича. Музей Николая Петровича к этому времени расформирован и передан частью в Академию наук, частью – в Эрмитаж и другие места.

Геннадий Николаевич работал в Сибири с 1927 по 1935 гг. Его охотоведческие изыскания охватывали часть Западной и Южной Сибири, а с 1931 г., когда он стал старшим научным сотрудником Иркутской научной опытной станции, переместились в Восточную Сибирь. Были экспедиции в Прибайкалье (Хамар-Дабан), Тункинскую долину и горную часть, в Окинский край и другие места. К сожалению, это для нас наименее известный период деятельности Геннадия Николаевича, хотя он интересен и важен для понимания путей становления отечественного охотоведения. Вопросами охотничьего дела в Сибири с научными и прикладными целями стали заниматься еще до революции. Помимо работ отдельных исследователей (например, Л.М. Сабанеева), организовывались целые экспедиции (например, Саянская экспедиция Д.К. Соловьева). Фактически в Сибири сложился по-своему уникальный комплекс артельной охоты промысловиков и местных национальных охотничьих промыслов, традиционных отлаженных столетиями способов освоения лесных богатств.

Конец прошлого и начало нынешнего века обострили ситуацию с охотничьим делом в Сибири, особенно с пушным промыслом, с использованием природных ресурсов этого края вообще. Дореволюционные традиции лесного и охотничьего устройства сохранялись еще до 30-х гг., пока не стали объектом критики как буржуазные пережитки. Пути разумного использования уже сложившихся методов освоения охотугодий, изучения традиций и навыков таежных охотников, комплексного использования природных кладовых были нарушены иллюзорными призывами «преобразовать, обновить, очистить от классовочуждых взглядов» и т. п. Нельзя сказать, что в таких условиях не делалось ничего хорошего по линии охотоведения, но с какими затратами и жертвами! А один из результатов – тот, что все перечисленные проблемы стоят в еще более обостренном виде и перед нынешним поколением охотоведов, экологов, деятелей охраны природы.

Лишь по нескольким опубликованным работам Г.Н. Лихачёва можно судить о его участии в процессе развития охотоведения и охотоустройства в Сибири, научных подходах к этим проблемам. До сих пор актуально выглядит высказанная им мысль о сохранении нескольких мелких заказников (вместо одного крупного) как станций переживания промысловых птиц и зверей на территориях интенсивных рубок. Внимательным, почти краеведческим было отношение Геннадия Николаевича к экономике охотничьего хозяйства. Авторам очерка известно, например, что один из больших неопубликованных экспедиционных отчетов Геннадия Николаевича хранился у известного специалиста в области охотоведения В.В. Тимофеева в Иркутске.

Однако желание пристальнее поизучать отдельные виды, тяга к исследованиям биологических закономерностей побудили Геннадия Николаевича в 1935 г. сформулировать тезис о том, что время маршрутных изысканий прошло и требуются продолжительные стационарные наблюдения по возможности на массовом материале. Геннадий Николаевич переезжает во вновь организованный заповедник «Тульские Засеки», становится как бы его основателем и ведущим зоологом. Заповедник «Тульские Засеки», просуществовавший с 1935 по 1951 гг., был уникальным уголком природы, памятником истории и истории лесоведения, а благодаря работам Геннадия Николаевича занял еще и особое место в истории отечественной зоологии и особенно орнитологии. Компактные высокоствольные старые лесные массивы с преобладанием дуба и липы, окруженные лесостепными участками, представляли идеальное место для гнездования хищных птиц. И хотя тема исследований Геннадия Николаевича в заповеднике примерно формулировалась как «Изучение естественных врагов грызунов, вредящих лесным насаждениям и лесовозобновлению», но теперь ясно, что и чисто орнитологическая специфика «Тульских Засек» вполне достаточна для организации и сохранения там заповедного режима.

Работы по канюку, черному коршуну, ястребу-тетеревятнику, малому подорлику, орлу-карлику, балобану, ворону на сегодняшний день вообще трудно выполнить в каком-нибудь одном месте. А Геннадий Николаевич не только собрал материал по численности, размещению и особенностям раз-

множения этих видов, оценил успешность выведения потомства, влияние кормовой базы на различные стороны жизни хищных и других видов птиц, но и описал интересные межвидовые отношения, конкуренцию за места гнездования (например, у балобана). Можно представить, какой труд затрачен на изучение особенностей размножения этих птиц, гнезда которых располагались на высоте 10 – 25 м, а гнезд обследовано сотни, и не по одному разу за сезон. Геннадий Николаевич – автор неопубликованной летописи природы «Тульских Засек» (1935 – 1951). Во время войны Геннадий Николаевич вместе с жившей у него матерью пережили кратковременную оккупацию заповедника немцами. В 1943 г. Г.Н. Лихачёв, несмотря на потерю левого глаза, мобилизован на фронт. До осени 1945 г. он был санитаром на фронтах войны, закончив ее в Румынии, награжден орденом Красной Звезды и медалями.

После закрытия заповедника «Тульские Засеки» (как и многих других) Геннадий Николаевич с матерью перебирается в Приокско-Террасный заповедник под Москвой, где и остается работать почти до конца своей жизни.

За почти двадцатилетний период работы в Приокско-Террасном заповеднике Геннадий Николаевич создает уникальную по объему искусственную гнездовую базу птиц-дуплогнездников, проводит широкомасштабные исследования по динамике численности, различным аспектам гнездования отдельных видов птиц и межвидовым отношениям, налаживает отлов и массовое кольцевание птиц и мечение млекопитающих, учет возвратов. Занятия с дуплогнездниками Геннадий Николаевич начинал еще в «Тульских Засеках».

В 50-е гг. развешивание искусственных гнездовий для птиц приобрело некоторый «общественно-политический» интерес как часть памятного плана преобразования природы, обогащения фауны лесополос, борьбы с вредителями леса. Но социальные условия меняются, а научные исследования продолжаются. Занятия динамикой численности животных в 50-е гг. отнюдь не были вне политики. Например, на Второй экологической конференции «Массовые размножения животных и их прогнозы» (1953) в докладах Презента и Маркевича громилась работа Г.Ф. Гаузе, Д.Н. Кашкарова, С.А. Северцова, ныне классиков экологии. Парадоксально, что к «оторванным от жизни проявлениям процесса загнивания буржуазной науки, мобилизующей все старое, отжившее для борьбы с новым, революционным», могла быть отнесена любая попытка математически обосновать, отразить в формальном выражении гипотезу о значении динамики численности в экологии и эволюции. В то же время от многих полевых зоологов требовали обобщений, да еще с прикладным уклоном (борьба с вредителями полей и лесов, преобразование природы и т. п.), пренебрежительно относясь к кропотливой, громадной по объему работе, направленной на сбор фактов, которые так непросто собрать в природе.

Удивительно свойство биологических объектов (организмов, видов, сообществ) проявлять закономерности на временных отрезках, превышающих жизнь отдельного исследователя. Бессознательно заблуждающийся или намеренно вводящий в заблуждение других может быть и не разоблачен при

жизни по вполне объективным причинам. Так временщики делают «временную науку». С другой стороны, исследователь, сумевший собрать, а если повезет, и обобщить массовый материал, рискует не увидеть подтверждения своим прогнозам и гипотезам. Отсюда важность многолетних исследований, работ, обеспечивающих преемственность с учетом идущих эволюционных преобразований, совершенствования биологической методологии.

Лихачёв Г.Н. справедливо полагал, что существенные признаки могут выявиться на массовом, многолетнем материале даже при относительно грубом первичном сопоставлении. Возможно, и здесь он был в чем-то близок к принципам работы своего отца, который полагал, что его дело – обеспечить историческую науку добротным, максимально полным материалом, а исследование этого материала для всевозможных обобщений, спекуляций и обучения – дело ученых типа Ключевского.

Интересны подход Геннадия Николаевича к обработке массового материала по размножению птиц, способ группировки данных, попытка проанализировать изменчивость экологических признаков, оценить внешние и внутренние факторы, влияющие на успех размножения. Хорошо понимая, что материал, собранный в «Тульских Засаках» или в Приокско-Тerrasном заповеднике, отражает события, происходящие лишь в отдельной точке ареала того или иного вида птиц, Геннадий Николаевич пытался на результатах кольцевания оценить процессы, протекающие на большом пространстве и за большое время. Новыми были установленные им факты о различии в характере возвратов к местам гнездования у самцов по сравнению с самками у мухоловки-пеструшки. В дальнейшем эти работы были продолжены Н.С. Аноровой и одним из авторов данного очерка.

Кроме массовых видов птиц, Геннадий Николаевич описал особенности гнездования и кормодобывания воробьиного сыча, ряда других видов птиц, заселяющих искусственные гнездовья. Мало аналогов у исследований Г.Н. Лихачёва по орешниковой соне и летучим мышам, также заселяющим дуплянки (полная библиография в статье Аноровой, 1973).

Нельзя обойти вниманием и роль Геннадия Николаевича Лихачёва в воспитании молодежи как пропагандиста биологических знаний в заповеднике. Кто только не бывал в его гостеприимном доме в Приокском: от столичной профессуры до юннатов разных возрастов и кружков. Всем предоставлялись и кров, и стол. Всех встречал неизменно доброжелательный хозяин. Особенно много юннатов, студентов, дипломников побывало у Геннадия Николаевича по рекомендации Петра Петровича Смолина, дружеские отношения с которым продолжались до самой смерти героя нашего очерка.

Мало кто знал, что Геннадий Николаевич написал и удивительное повествование о жизни своей семьи и близких родственников с XIX в. до 60-х гг. нашего столетия. Фактически эта замечательная рукопись представляет собой как бы вторую часть книги Н.П. Лихачёва «Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки» (1913), и сейчас этот труд, несомненно, заслуживает публикации.

Не всегда просто складывались отношения Г.Н. Лихачёва с администрацией заповедника. Многие очевидные вещи приходилось втолковывать, отстаивать, отвечать за проделки юннатов. Тяжело переживал Геннадий Николаевич смерть матери, уход на пенсию, вынужденный переезд из заповедника в Пущино. 21 ноября 1972 г. его не стало. К сожалению, этот тихий, скромный человек не оставил прямых наследников, не было сыновей и у его братьев. Таким образом, эта ветвь рода Лихачёвых по мужской линии прекратилась.

По желанию Геннадия Николаевича он похоронен в Приокско-Террасном заповеднике на склоне берега реки Сушки вблизи деревни Данки. Его коллекция миниатюрной анималистической скульптуры, которую он собирал последние годы жизни, попала в Зоомузей МГУ, а коллекция чайных этикеток и других аксессуаров культуры чаепития – в Тульский музей. Усилиями его бывшего юнната Ю.С. Равкина уже в 1978 г. опубликована еще одна неизвестная ранее статья Геннадия Николаевича по дуплогнезdnикам. Однако большая часть его архива по этим видам и некоторым другим объектам либо утеряна, либо еще не опубликована.

А.С. Раутиан, В.С. Шишкин

Лукьяныч

Моя бабушка была богата. В юности она славилась красотой, а в старости – умом и властностью. Она овдовела еще молодой, но успела народить пятнадцать человек детей. И в те годы, такие семьи встречались уже не так часто. Вторично, замуж она не вышла и всю свою жизнь посвятила воспитанию, а затем, устройству и управлению семейной жизни своего многочисленного потомства. Выдав замуж дочерей и поженив сыновей, она продала опустевший, большой дом своему сыну и переехала в небольшой особняк. Вместе с нею переселилась на новое житье-бытье и ее старая прислуга. Глава всего бабушкиного хозяйства Иван Илларионович, начавший свою карьеру еще в восьмилетнем возрасте в роли посыльного мальчишки, старая экономка, немка Луиза Федоровна, француженка, воспитавшая всех детей, мадемуазель Мари, старая горничная Татьяна, старая кухарка, старая прачка, глухонемая судомойка и многие другие. Среди этой плеяды старых служак, некогда участвовавших в полноценной жизни большого дома, а ныне доживающих свой век при состарившейся хозяйке, особо выделялся Иван Лукьяныч, или просто Лукьяныч, старый кучер.

Для меня Лукьяныч был абсолютным авторитетом конного дела. Он учил меня править, объяснял нрав лошадей и всегда ругал молодых кучеров: «Что понимают они? Вот я уже десятилетним мальчишкой скакал в седле (форейтором) в восьмерке цугом помещика ...». Следовала какая-то громкая фамилия, чрезвычайно важная для Лукьяныча, но мало значимая для меня. Однако после такой реплики я проникался к нему еще большим уважением. Ведь запряженной гуськом восьмерки я никогда не видел и не увижу, это была быль давно ушедших времен, времен расцвета конного транспорта. Лукья-

яныч был настолько колоритной фигурой, что вся кучерская Москва знала его, и даже, были изданы почтовые открытки с его изображением.

Но время идет, Лукьяныч старился, и вместе с ним его любимое дело отмирало и постепенно уходило в летопись былых времен. Никто уже не скакал между городами на восьмерках лошадей, не тянулись уже бесконечные обозы. Их сменила железная дорога. Но с этим Лукьяныч мирился. Слишком уж велики были масштабы изменений, да и он не был непосредственным свидетелем зарождения и развития железных дорог. Этот процесс проходил далеко от его конюшни. Но было явление, с которым Лукьяныч не мог и не желал мириться. В начале девятисотых годов в Москве появились первые автомобили. Лукьяныч сперва презрительно смотрел на громоздкие, неуклюжие, вонючие и шумливые машины. Куда им до лошадей, им нужны дороги, да еще неизвестно, довезут ли они до места. Барская затея, а толку ни на грош.

Но время бежит. Машины все улучшались, и примерно к 1910 г. автомобиль сделался хотя и редким, но уже не столь необычным транспортом Москвы. Лукьяныч возненавидел всей своей душой эту "гадость", как он выражался, и вступил с ней в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Бабушка, конечно, автомобиля не покупала, это был бы слишком передовой шаг, но ее сыновья и зятья шли в ногу с веком, и вот иногда около подъезда останавливалась машина и, о ужас, бабушку увозили, а Лукьяныч с лошадьми оставался дома. Драма назревала.

Мы жили в Петербурге и, когда всей семьей приезжали в Москву, то к вокзалу Лукьяныч подавал карету, запряженную парой орловских, серо-яблочных, лошадей. Но нас было много, и одной кареты не хватало. И вот около кареты стал появляться автомобиль. Мама и младшие садились в карету, а остальные размещались в машине.

Лукьяныч знал все переулки Москвы, все повороты и проезды. Он гнал лошадей от вокзала по ему лишь ведомым путям и подъезжал к дому раньше автомобиля. Высадив маму, он оставался у подъезда до прихода машины.

Потом пренебрежительно освобождал место "опоздавшему" врагу. Лукьяныч торжествовал.

Наступил тревожный 1914 г. Все были призваны в армию. Лошадей мобилизовали, в конюшне уцелела лишь пара старых орловцев Лукьяныча. Но почему-то один из автомобилей не был взят, и эта машина поступила в полное распоряжение бабушки.

Когда Лукьяныч увидел, что бабушка стала часто ездить на машине, чаша его терпения переполнилась, он не выдержал и решился на отчаянный шаг. Надев чистую рубашку и взяв в руки кнут, эмблему лошадиной власти, он отправился прямо к бабушке. Войдя в её кабинет, Лукьяныч решительно положил кнут на письменный стол, за которым сидела бабушка и заявил: «Вот кнут, я или "гадость"». Бабушка не могла понять, в чем дело, Лукьяныч же в страшном волнении не мог объяснить, что он хочет. На шум прибежали Иван Илларионович, старая Татьяна, и когда выяснился смысл ультиматума Лукьяныча, все стали его уговаривать успокоиться, заявляя, что всё остается по-старому, что лошадей никто не собирается ликвидировать, что автомобиль на днях отдадут в армию, Лукьяныч умолк, его увели и уложили.

Дальше жизнь текла как будто бы по-старому. Но Лукьяныч все реже и реже подавал лошадей к подъезду. Он резко состарился, болел и был скоро вынужден оставить конюшню и уехать в деревню. Через год он умер.

31.07.65.

Ужин и обед в Бийске

Летом 1929 г. я впервые покинул стены Сибкрайземуправления и должен был принять участие в качестве охотоведа в лесоустроительных работах в Верхне-Обском лесном массиве. В те дни во главе лесоустройства Сибкрая стоял Павел Юльевич Аренд, одна из самых ярких фигур, которых мне пришлось встретить в Сибири в конце двадцатых годов нашего столетия. После окончания Лесного института он почти сразу же приехал в Сибирь и за многие годы работы по лесоустройству побывал в самых отдаленных уголках Сибирского края и обследовал огромные пространства тайги. Обладая большой памятью, он безошибочно отвечал, какие насаждения имеются в любом районе тайги. Я помню приезд в Новосибирск академика В.Н. Сукачева, тогда еще лишь профессора Лесной академии, во главе специальной экспедиции для выявления запасов древесины, отвечающей определенным, очень узким техническим требованиям. После доклада В.Н. Сукачева, отметившего как важность предстоящих исследований, так и отсутствие материалов по затронутому вопросу, выступил П.Ю. Аренд. Он говорил минут тридцать, и за это время точно указал, где и в каком количестве в Якутии или Приенисейской тайге имеются нужные лесные насаждения. Всем стало как-то неловко, насколько сильно он разбил московских специалистов.

Когда я с ним познакомился, ему было около 60 лет. Полный силы и энергии, он выглядел моложе своих лет и каждое лето пропадал в тайге. Несмотря на разницу лет, если так можно выразиться, мы были очень дружны. Конечно, я преклонялся перед его авторитетом лучшего знатока Сибирского леса, и для меня он был примером настоящего Сибирского исследователя. Когда П.Ю. Аренд впервые включил в состав лесоустроительной экспедиции должность охотоведа, он предложил мне провести эти первые работы, я, конечно, согласился и горел желанием оправдать доверие, хотя опыта в этих работах у меня не было никакого.

Павел Юльевич был не только большим специалистом, но и увлекательным собеседником, и прекрасным собутыльником. Этот его грех знали

все. Он пил очень много, бурно и весело. Здесь он был таким же знатоком, как и в лесном деле, к сожалению, иногда слишком большим.

В Бийск я приехал утром и узнал от участников экспедиции, что П.Ю. Аренд должен прибыть дня через два, – выехать в лес, не повидавшись с ним, я не мог. Через час я полностью познакомился с центром города и, спасаясь от жары, отправился на прекрасный пляж р. Бии, где и провел почти весь день. К вечеру я вернулся в гостиницу. Товарищи предложили идти ужинать в городской сад, где фактически был единственный ресторан в городе. Небольшой тенистый сад, большие столы человек на двадцать, были расставлены под деревьями. Заказали ужин и стали ждать. Рассматривая публику, мы обратили внимание на то, что по саду разгуливает необычайно большое количество молодых женщин, одетых весьма помято, и хотя по их виду легко можно было установить их профессию, вели они себя как-то тихо и пугливо. В чем дело? Мы знали, что во всех крупных городах открытая проституция ликвидирована, почему же в Бийске их численность столь велика? По саду разгуливало не менее 100 девиц. Это было особо странным, так как прошлым вечером, как указывали мои товарищи, их вовсе не было.

Одна из них подошла к нашему столу и застенчиво поздоровалась. Мы пригласили ее присесть. Села, помолчала и попросила есть. После рюмки водки и уничтоженного ужина к Элен, как она себя назвала, вернулась ее профессиональная развязность. Она оказалась весьма словоохотливой и рассказала нам и свою судьбу, и судьбу других. Сама она жительница Саратова, где вела веселый образ жизни. Некоторое время тому назад ее заключили в лагерь, куда стали поступать многочисленные подруги из разных городов. Затем их посадили в вагоны и повезли. Куда, неизвестно. Уже много дней их не кормили и вдруг выпустили на свободу. Конечно, по привычке большинство из них оказались в городском саду. Но Бийск – город небольшой, и в ресторане имелось не более десяти посетителей.

Очень скоро наша компания превратилась в притягательный центр для многочисленных подруг Элен. Здесь были представительницы Казани, Саратова, Симбирска и ряда других более мелких городов Поволжья. Элен, про-

глотив еще один ужин, превратилась в хозяйку нашего стола и приглашала к нему всё новых и новых особ. Но надо отдать ей должное, каждый раз спрашивала разрешение. Она говорила: «Вон идет Олечка или Машенька, она уже пять дней ничего не ела, накормите ее, что Вам стоит». Пункт по общественному питанию безработных проституток работал безотказно, и к часу ночи за столом сидело десятка два, а то и больше падших созданий. Угощение было одно – стандартный ужин, и надо было видеть, с каким аппетитом он уничтожался, иногда было даже страшно смотреть. Некоторые робко просили еще добавку. В благодарность за кормежку одни из девиц что-то пели, другие танцевали около стола и, наконец, прямо на столе. В такой компании мы просидели до закрытия ресторана. Шумная ватага провожала нас до гостиницы, куда мы попали около четырех часов утра.

В девять часов меня разбудили. П.Ю. Аренд неожиданно приехал. Через полчаса я уже был у него в номере. Деловое совещание продлилось до 2 часов. Обедать вдвоем с Павел Юльевичем мы отправились в ресторан. Другого места не было.

Днем городской сад мне показался значительно более жалким, чем вечером. Выпили водки, начался обед. Вдруг вижу идет Элен. Она, видя меня за столом с пожилым человеком и еще в форме, не рискнула подойти к столу, но прогулявшись раза два, все же поздоровалась со мною. Я невольно ответил. И вот начался парад. Девицы скромно дефилировали мимо стола, но обязательно здоровались. О! Сколько их было! Я уткнулся в тарелку и делал вид, что ничего не вижу.

Павел Юльевич сперва молчал, но каждый раз оборачивался в сторону очередной особы. «Геннадий Николаевич, когда Вы приехали в Бийск?» Я скромно ответил: «Вчера утром». «Здорово, я вижу, что Вы даром время не теряли». Рассказ о вчерашних событиях весьма насмешил Аренда, однако он посоветовал мне немедленно выехать в лес. Вечером я был уже далеко от Бийска. Те, кто остались в Бийске, потом рассказывали, что вечером того же дня городской сад был пуст.

20.08.65.

Сколько нужно выпить водки?

Почти все старые сибиряки, связанные с лесом, здорово пили. Этому способствовали их бродячая жизнь и сильные морозы. Не составлял исключения из этого правила и лесничий Поликевич, но это не помешало ему дожить до девяноста лет.

Я с ним познакомился в 1929 г., когда наша веселая и тогда молодая семья свежеепеченных охотоведов проживала на Московской, 5. Одноэтажный, низкий домик из 4 комнат был настолько обильно обложен земляной завалинкой по самые окна, что дом казался глубоко ушедшим в землю. Зато в нем было всегда тепло, даже в любую январскую стужу. Постоянных, надолго задерживающихся жителей в нем было мало, пожалуй, я один. Другие приезжали, писали отчеты, и исчезали – кто куда. Одни в экспедицию, другие на Крайний Север, а кое-кто и в отпуск в Москву. Приезд и отъезд каждого усердно отмечались, не пропускалась и удачная сдача отчета. Таким образом, предлогов для выпивки было вполне достаточно. Но Московская, 5 не была только местом веселых пирушек, здесь проектировались, горячо дебатировались и утверждались многие вопросы охотничьего хозяйства Сибири задолго до их официального обсуждения. Это был клуб-общезитие для всех, кто болел за новое и весьма неизведанное в то время дело, которое впоследствии получило свой специальный ВУЗ, исследовательский институт и обросло обильной научной литературой. Московская, 5 в 1929 и 1930 гг. притягивала к себе всех охотоведов Сибирского края.

Когда Поликевич был назначен охотоведом одной из областей Сибири, он приехал в Новосибирск. Попав на воскресенье, он не нашел меня на работе, и ему сказали, где я живу. В прекрасное морозное утро раздался звонок, я вскочил с кровати и в одних трусиках направился открывать наружную дверь. Я увидел незнакомого мне уже немолодого мужчину. Он представился. «Входите в дом». Он вошел. На столе в главной комнате красовались обильные остатки предпраздничного времяпрепровождения. Бутылки, недоеденная закуска и грязная посуда. На полу на медвежьих шкурах спали двое.

Мне было неловко. Я совсем ведь не знал Поликевича, а я все же был старшим по службе.

Поликевич осмотрелся кругом и, кладя вещи на стул, просто сказал: «Какая родная картина!» В этих словах был весь Поликевич. Он не был особенно образованным человеком, много времени провел в тайге, но знал ее больше как практик, а по натуре любил цыганскую жизнь, переезды, ночевки в лесу, охоту, лошадей и собак. Город его угнетал. Потом, узнав его ближе, я часто слушал его рассказы о бродячей жизни, но они не были особенно увлекательными, он много видел, но не умел рассказывать.

Как-то раз после хорошего ужина и изрядной выпивки Поликевич заявил: «Теперь пить не умеют, измельчал народ». Эта банальная реплика мало кого тронула, особенно нас, молодежь. Но Поликевич не унимался: «Знаете, что значит пить до завоевания Урянхайского края?» Все замолчали, действительно, столь значимая степень выпивки никому не была известна.

В дореволюционное время Урянхайский край был ничейный. Юридически он числился принадлежащим Китаю или самостоятельным. Фактически же это была колония России. Но все же существовала граница и имелись на ней, особенно вдоль основной дороги, пограничные столбы с двуглавым орлом. Поликевич рассказал, что независимо от того, где происходил пир горой, хотя бы за 300 – 500 км от границы с Урянхаем, на третий-четвертый день пиршества запрягались тройки, и пьяная ватага катила к границе. Затем выкапывался пограничный столб и с пением "Боже, Царя храни" относился на версту или две в глубь Урянхайского края и вновь вкапывался в землю. Поликевич хвастался, что он лично завоевал не менее трех верст Урянхайского края.

Бесспорно совершенно мирное и весьма убедительное завоевание чужой территории. Но, увы, возможное лишь в те годы и в условиях лишь символической границы.

21.07.65

Уха

В августе 1931 г. вместе с опытным соболятником Гавриловым я обследовал уголья Хамар-Дабанского хребта. После посещения тайги предстояло подняться в гольцовую зону. Гаврилов, знаток всех троп, ехал первым, и я, следуя за ним, поражался, как он, без всяких карт и компаса, безошибочно ориентировался в лесу и знал каждую гарь, где можно было переночевать с большим запасом сухих дров. Он знал тайгу так, как мы с Вами лишь знакомы с каким-либо парком "культуры и отдыха".

Лес редел, а крутизна подъема увеличивалась. Пришлось спешиться. Лошади осторожно шли впереди, а мы за ними или, наоборот, вытаскивали их из трудно проходимых мест. Наконец, лес остался внизу, нас окружала высокая травянистая растительность, среди которой кое-где стояли отдельные покривившиеся лиственницы. У последних деревьев мы решили заночевать и уже утром штурмовать гольцы. Стреноженные лошади быстро скрылись в траве. Запылал костер. Провизия еще имелась, хотя уже более трех недель, как мы покинули наш основной лагерь, обед был обильным и, конечно, вкусным. Палатку не ставили, погода была прекрасной, да и спать предстояло не более трех-четырех часов.

Меня разбудили мелкие струйки воды, скользившие по лицу. Погода резко изменилась, шел дождь. Установив палатку и подтянув к ней несколько сухих поваленных деревьев, мы совершенно мокрые скрылись в ней. Хотя уже рассветало, кругом было сумрачно от густого тумана. Все наши планы рушились. Идти в такую погоду в гольцовую зону было невозможно. Напившись чаю, мы снова улеглись спать. Нужно было ждать. Но сколько времени?

В последующие дни костер горел круглосуточно, хорошо, что кругом было много сушняка. Но еще более было тумана, который с каждым днем делался все гуще и гуще и все сильнее и сильнее впитывал в себя все, что встречалось на его пути. Скоро пришлось проверять продовольствие, был установлен паек. Мы могли продержаться дней пять-шесть. Я спокойно об-

рабатывал дневники, однако скоро настроение сильно испортилось. Как минимум нам требовалось четыре дня хода до главного табора, а сухари и консервы катастрофически быстро подходили к концу. Даже строжайшая экономия не спасала положение, уже десять дней, как туман и мелкий дождь не прекращались. Пришлось принять решение, несмотря ни на что, утром пробивать туман и спускаться вниз в тайгу. Увы, мечты о просмотре гольцов следовало отбросить.

Рано утром я выглянул из палатки и, о счастье, – туман исчез, голубое небо и кругом совершенно обновленная, как будто бы заново родившаяся природа. В предрассветной тишине вдали рисовались и манили к себе горные просторы.

Гаврилов уже раздул костер, чай и пара сухарей были быстро уничтожены, на вечер оставалась последняя тушенка. Мы не договаривались и не спорили, а просто пошли в горы. Мысль двигаться к главному лагерю была просто противоестественна.

Весь день мы ходили по горным тропинкам, проложенными зверем, а то и не известно кем и как. После тайги, да еще зажатой горами, открытые горизонты гольцовой зоны поражали своей грандиозной красотой и бесконечностью разнообразия. Крутые склоны отдельных хребтов, расположенные один за другим, покрытые разными лишайниками, были то синие, то зеленые или даже красноватые. Выше их виднелись сумрачно серые каменистые россыпи, местами прикрытые свежим снегом. Терялось представление о расстоянии, казалось, что ничего не стоило перешагнуть на соседнюю гору, в действительности же для этого требовалось несколько дней. Много сот метров ниже того места, где мы проходили, раскинулось озеро, по его берегам безмятежно разгуливало семейство медведей. Далеко от нас, переваливая через горный хребет, прошла пара изюбрей. Высоко в небе, то вдруг спускаясь до самых гор, как бы проверяя свои владения, парил одинокий крупный хищник. Какая-то особенная тишина, внушающая уважение, царила вокруг

нас, двух ничтожных "владык земли", осмелившихся нарушить ее величавое спокойствие.

Устав от впечатлений, мы к вечеру вернулись к палатке. Последний суп и горячая вода, чаю уже не было, затем несколько записей в дневник и скорее спать. Но нет, после всего виденного не так-то легко заснуть.

Было еще темновато, когда мы стали искать наших одичавших за десять суток лошадей. Наконец, поймав их и оседлав, мы тронулись в путь. Лошади растолстели на дивных кормах предальпийских пастбищ, а наши выючные сумы сильно похудели.

У нас, конечно, были ружья. Но как всегда бывает в таких случаях, на всем пути ни глухаря, ни рябчика и даже белки мы не встретили. А отходить специально на охоту – не рисковали. Мы питались горячей водой и теми ягодами, которые удавалось подобрать около остановок на ночь. Я не скажу, что испытывал какой-то особенный голод, но все же к концу нашего путешествия я с удовольствием съел бы любой обед. Что-то неладное заполняло желудок и иногда подташнивало. Я даже бросил курить.

Наш основной табор был расположен около горной речки, и, по иронии судьбы, мы подъезжали к нему с противоположного берега, а переправиться через горный поток было невозможно. Следовало проехать около шести километров вверх по реке, затем использовать брод и снова спуститься вниз. Итого более двенадцати километров.

Остановившись, вызвав таборщика и накричавшись как следует, мы приказали ему готовить обед. Двенадцать километров в горно-таежных условиях – это не меньше трех часов езды. Более четырех суток я почти ничего не ел и не страдал, но эти три последних часа, часа, когда я знал, что меня ждет дивное пиршество, были серьезным испытанием. Я измучился до потемнения в глазах и узнал, что такое "жрать хочу".

Подъехав к лагерю, отдав лошадей на попечение таборщика, мы направились к пылающему костру и увидели многообещающее ведро. В нем была

уха. Численность хариуса в ведре не поддавалась учету, и ложка, сунутая в "уху", свободно стояла.

Уха, или то, что было в ведре, была уничтожена молниеносно, затем последовала банка с консервированными фруктами, купленная перед экспедицией для особенного случая в золотоскупке. А дальше, дальше я ничего не помню. На следующий день таборщик говорил, что мы оба просто заснули тут же около костра, и ему пришлось нас оттаскивать от огня во избежание возможных ожогов. Никаких других последствий не было. Могу лишь сказать, что после Хамар-Дабанской ухи, какую бы уху я ни ел, все это было не то. Уху я ел только один раз в жизни.

Февраль 1965 г.

Станционное происшествие

Большинство железнодорожных станций создавались там, где имелись селения, где проходили большие дороги. Такие станции многолюдны и их жизнь полностью связана с пассажирами, с количеством отправляемого груза. Суета и бестолковая спешка – типичны для них. Но есть станции, существование которых определено лишь техническими требованиями службы пути. На таком-то километре необходимо иметь контрольный пункт, вот тут и устраивается полустанок. Как у всякой станции, и здесь имеется зал ожидания, но редко в нем появляется одинокий пассажир. Но все же жизнь полустанка регламентируется расписанием поездов, часто даже не останавливающихся у его пустых платформ. В пять часов пробегает четный поезд, а через несколько часов – его близнец – нечетный. Между встречами проходящих поездов станционная жизнь как бы замирает. Типично и окружение станции, около нее нет чужих домов, нет отвратительной столовой или лавки. Стоят лишь два-три домика, жилища служащих, возле них огороды, а далее нетронутая трава, кустарники или остатки раннее здесь существовавшего большого леса. Размеренность жизни, тишина и спокойствие – характерны для этих оторванных от бурной жизни младших братьев шумных вокзалов.

Конечно, такие станции уже редки в России, но их еще много вдоль рельсов великого Сибирского пути. Вот на такую станцию в южном Прибайкалье забросила меня судьба в августе 1931 г. Само месторасположение полустанка придавало ему особенную уединенность. Он стоял там, где железная дорога после бурного бега по скалам, туннелям и мостам над Байкалом, как бы устав от борьбы с природными препятствиями начального отрезка пути, лениво отдыхает, спокойно лежа на плоском южном берегу этого чудесного озера. Привыкнув к плохо заметной дороге после длительного пребывания в горной тайге, мне доставляло удовольствие шагать по ровной тропинке. Нужный мне поезд приходил рано утром, я не спешил и не боялся опоздать.

Придя на станцию, и тут, по привычке двигаться, я стал ходить по широкой платформе туда и обратно. Вечерело. Вдали виднелся Байкал, и горизонт уходил в бесконечность. С другой же стороны, совсем близко начинались горы, и вдали красовались могучие вершины Хамар-Дабана. Полная тишина царила вокруг меня, единственного пассажира станции.

Темнело. Вершины Хамар-Дабана сливались в одну темную массу. Я невольно любовался их постепенным исчезновением в наступающей темноте. Солнце скрылось. Голубое небо, как бы сожалея о его уходе, стало заволакиваться облаками. В восточной части гор появилась темная туча. Она постепенно росла, чернела, спускалась с гор и надвигалась на незащитный берег озера. Кто был в Прибайкалье, знаком с молниеносно налетающими и столь же быстро кончающимися могучими грозами этих мест. Я подумал: «Вот и конец тишине, будет гроза».

Стемнело. Станционная платформа ярко осветилась электрическими фонарями, было так ярко, что сделалось больно глазам, – я отвык от цивилизации. Постояв немного, я пошел в станционное помещение. Ведь все же нужно было узнать время прихода моего поезда. В коридоре на стене висела десятилинейная керосиновая лампа и своим слабеньким, тусклым светом еле освещала окружающие предметы. Странно было видеть эту старушку тут же около сверкающей платформы и соседней служебной комнаты, залитой ярким электрическим светом. Традиция или, напротив, предусмотрительность сохраняла жизнь этому светочу прошлых дней.

За отсутствием справочного бюро я направился прямо в служебную комнату. В ней, заполненной несколькими столами, всяким железнодорожным оборудованием, огромной доской с электроприборами, находилась молодая девушка с красной фуражкой на голове. Явный признак высшего железнодорожного начальства, во всяком случае в данный момент и в данном месте.

– Товарищ, скажите, пожалуйста, когда идет поезд на Улан-Уде?

Последовала минута молчания. Затем красная фуражка оторвалась от срочных бумаг, лежащих на столе, и сказала: «На стене висит расписание».

Конечно, когда имеется вывешенное расписание, не следует беспокоить занятых служащих. Но тон, каким был дан ответ, заставил меня понять, что я допустил какую-то бестактность. Узнав час отхода поезда, я вновь вышел на платформу. Пройдя раза два по ней и еще раз точно установив шагами ее длину, мне все же захотелось вступить в разговор с недоступной девушкой-начальником. Но успеха не имел. Односложные ответы или многозначительное молчание – вот все, что досталось мне в награду.

В комнате, кроме дежурной, никого не было, но красная фуражка, эмблема власти, не покидала головы девушки. Она смотрела бумаги, записывала, затем просматривала приборы на стене, выходила на платформу. Но все эти обычные обязанности дежурного она выполняла с какой-то невероятной гордостью. Было ли это ее первое ответственное дежурство или, окончив этой весной техникум, она еще придавала особенное значение своей деятельности – это не важно, но смотря на нее, я восхищался ею и ее молодой влюбленностью в порученное ей дело, она не дежурила, а священнодействовала. Нарушая же ее работу моими попытками завязать разговор на посторонние темы, я, безусловно, совершал кощунство. Мне оставалось лишь снова скрыться на платформе и оттуда восхищаться торжественностью ответственного дежурства.

Стоя под ярко горящими фонарями, темная ночь мне казалась еще темнее. Огромная, черная, грозовая туча нависла над станцией, никакого ветра, какой-то особо пустой воздух, вся природа замерла в ожидании взрыва надвигающейся бури. Я невольно пошел к станции, под защиту ее тонких, но все же стен. В это время где-то вдали раздался гудок паровоза. Какой-то поезд пересек станционный семафор и извещал о своем входе во владения станции.

Девушка-красная фуражка бросилась к столу, взяла жезл и направилась к выходу. Наступал наиболее торжественный акт дежурства – пропуск поезда.

Но... невероятной силы грохот заполнил всю станцию. Молния промелькнула по всем проводам и закончилась огненным столбом, как мне показалось, шириной в несколько метров на доске с электроприборами. Прямое попадание. Все погасло, и лишь старая керосинка чуть освещала абсолютную тьму. Силою удара молнии я был прижат к стене и на несколько секунд потерял сознание.

Придя в себя, я бросился... Куда? Что делать? Я выскочил на платформу. Там зверствовал ветер, гудел, вертел и сбивал с ног. А поезд, сбавив ход, спокойно шел мимо станции. Это был Маньчжурский экспресс, гордец, пробегающий самый длинный путь в мире и, конечно, не привыкший, чтобы его задерживали на каком-то полустанке. Ведь в его ярко освещенных, мягких купе ехали дипломаты, всякие иные иностранцы и просто весьма ответственные персоны.

Я метнулся обратно в дежурную комнату. На полу лежала красная фуражка, недалеко от нее – жезл. Схватив его, я стал в полутьме искать ту, которая была так величественна еще несколько секунд тому назад. Девушка, сгорбившись, стояла вцепившись в косяк двери и истерически рыдала. Она вся тряслась, и всякие попытки привести ее в чувство были просто бессмысленны.

В комнату вбежал стрелочник, падая на пол, он неестественно выкрикнул: «Меня стукнуло». Лишний полутруп. Из всех троих я один оставался относительно в порядке. Но что я мог сделать? Экспресс остановился. Передать ему жезл я не имел права, да и не знал, как это сделать. Оставалось ждать, а что ждать?

У одного из станционных домиков появился слабый блеск фонаря и стал быстро приближаться к станции. В комнату ворвался высокий мужчина. Он выхватил из моих рук жезл, поднял красную фуражку, что-то проверил на

столе и бросился к поезду. Решимость, движение – захватывают, и я последовал за ним. Мужчина подбежал к паровозу, где его ожидал удивленный машинист, передал ему жезл и что-то сказал. Машинист вскочил на паровоз, и поезд медленно тронулся. Ему не было дела до того, что случилось на маленькой станции, поезд должен был прибыть на большую станцию строго по расписанию.

Начальник станции, успокаиваясь после тревожных минут, стоял на месте, пока проходил поезд. Вдруг на платформе появилась женщина в платке, в руках у нее был какой-то предмет. Подойдя к нам, она сказала: «Ваня, ты забыл надеть штаны». И только тут, при свете "летучей мыши" выяснилось, что начальник станции был в форменной тужурке с красной фуражкой на голове, но... в кальсонах. "Ваня" поставил фонарь на землю и молча стал одевать недостающую ему часть форменной одежды. Я невольно усмехнулся. Разрядка большого, только что пережитого напряжения была слишком неожиданной.

Через несколько минут я снова ходил туда и обратно по совершенно темной платформе. Молниеносно налетевшая гроза, не проронив ни капли дождя, столь же быстро исчезла. Хозяином станции стал настоящий начальник, перепуганную девицу отправили спать, а стрелочник, отлежавшись на полу, пошел работать. Все стало обыденным. А я, на шагавшись всласть, ночью сел в поезд и крепко заснул.

Как быстро и напряженно проходят некоторые минуты жизни и как долго их вспоминаешь. Тихий вечер и грохочущая гроза, гордая девушка-красная фуражка и истерически рыдающая женщина, строгий начальник станции при исполнении служебных обязанностей и вдруг без штанов. Да, бывает.

Январь 1965 г.

Меткое выражение

– Геннадий Николаевич, вставайте, старуха ждет, обед готов!

Услышав этот зов, я потянулся и сделал попытку покинуть гостеприимное, пахучее, свежее сено. Днем я приехал в Култук, зашел к старому знакомому колхознику Степанову и в ожидании обеда отправился спать на сеновал.

Не дождавшись моего полного пробуждения, Степанов влез на сеновал, размещенный над старым, пустым коровником. Через несколько минут мы уселись с ним на бревне-перекладине, когда-то бывшего навеса. Смеркалось. Вдали красовался Байкал, было тихо, и мне после сна никуда не хотелось трогаться. Да и Степанов не спешил. Завязалась беседа, как всегда о жизни. Степанов говорил о своем сыне, который только что женился, спрашивал – что в Иркутске. Беседа текла медленно. Я отвечал, но больше любовался закатом. Мы забыли о готовом обеде.

– Да, на промысел сходить не придется, колхоз не пускает, грустно сказал мой собеседник.

– Почему, да что у Вас творится в колхозе? – механически спросил я. Степанов замолк, как бы задумавшись. Затем спокойно сказал: «Нормальный абсурд!».

Я чуть не упал вниз с балки, так неожиданно прозвучали эти иностранные слова в устах старого охотника, прожившего почти всю жизнь в деревне да в тайге.

Прошли годы, много раз пришлось мне работать на колхозных полях, участвовать в собраниях и беседовать с колхозниками. И, увы, неоднократно вспоминалось сказанное Степановым. Он, сам того не ведая, исключительно метко охарактеризовал трагедию многих колхозов.

февраль 1965 г.

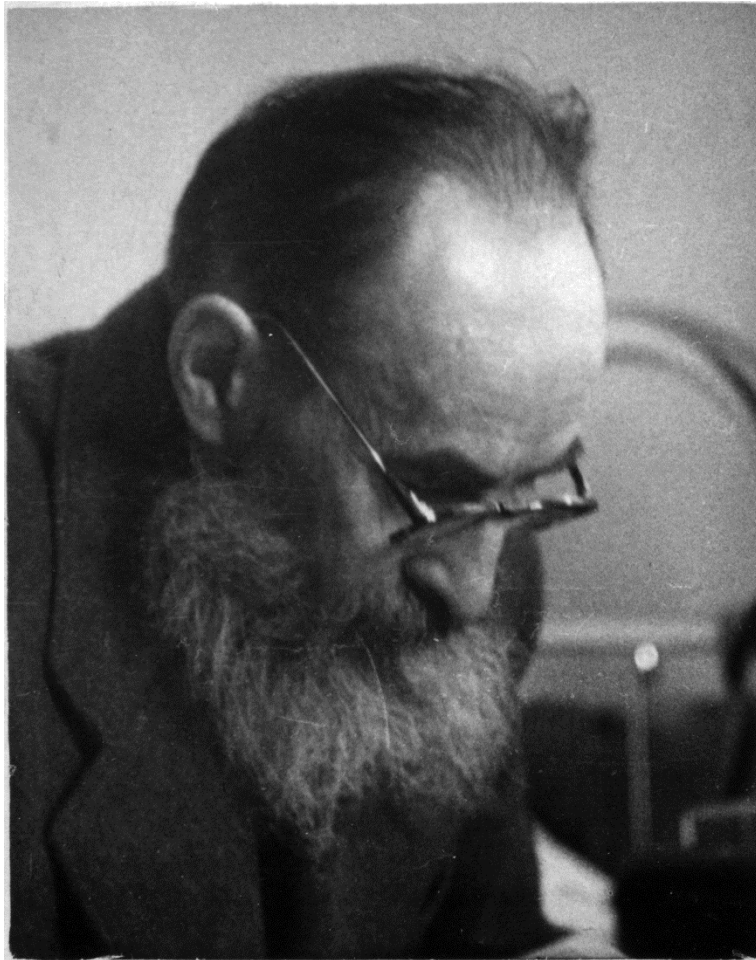
Фотографии из фондов Научно-исследовательского Зоологического музея
МГУ имени М.В. Ломоносова



Слева направо: 2-й – Г.Н. Лихачёв, 3-й – директор Зоомузея МГУ С.С. Туров,
год и место неизвестны



Слева направо: С.С. Туров, В.Н. Скалон (биолог-охотовед, основатель факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института), Г.Н. Лихачёв, 1965 год, Алма-Ата



Лихачёв Г.Н. в санатории, Монино, 1957 г.

Содержание

Предисловие.....	3
Биография Геннадия Николаевича Лихачёва.....	5
Лукьяныч.....	13
Ужин и обед в Бийске.....	16
Сколько нужно выпить водки?.....	19
Уха.....	21
Станционное происшествие.....	25
Меткое выражение.....	30

Составители:

Смирнова Елена Владимировна

Раутиан Александр Сергеевич

Шишкин Владимир Сергеевич

Г.Н. Лихачёв

Рассказы Генуэла

Подписано в печать 29.10.2019.

Формат бумаги 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 27,6.

Тираж 300 экз. Заказ 144

Тульский государственный университет

300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Отпечатано в Издательстве ТулГУ

300012, г. Тула, просп. Ленина, 95